

«ДЕВКА НА ПОРЕ, НЕ УДЕРЖИШЬ НА ДВОРЕ...»**(О девичьей чести в крестьянской среде Центральной России во второй половине XIX — начале XX в.)**

Вопросы девичьей чести являются предметом дискуссий при всякой попытке дать оценку традиционным ценностям русского крестьянства [11, с. 129]. Эти вопросы, несмотря на то что миновало более века со времен стремительной урбанизации и раннебуржуазной индустриализации России, все еще остаются в кругу обсуждаемых тем.

Отношение к девичьей чести в традиционной русской крестьянской культуре второй половины XIX — начала XX в. долгое время не было предметом отдельного исследования ни в дореволюционной, ни в советской историографии. Научное изучение этого вопроса — явление постсоветского времени, и здесь имеется широкий спектр «окончательных» выводов. По мнению одних исследователей, добрачные связи девушек были недопустимы или крайне редки (М. М. Громыко [6, с. 96], С. С. Крюкова [8, с. 106]), другие отмечают их распространенность (Ю. И. Семенов [16, с. 41], В. Г. Безгин [3]). Новейшие данные собраны Н. Л. Пушкаревой, отметившей необходимость изучения региональной специфики в отношении к добрачной чистоте девушки [9, 10, 13]. Попытаемся пролить некоторый свет на этот вопрос, исходя из рассмотрения повседневной жизни девушки в центральных губерниях Российской империи.

Девственность рассматривалась там как одно из основных качеств невесты, ее сохранение определялось традиционными установками религиозного и морально-бытового характера. Потеря девственности считалась «срамом», «позором». Такую девушку не брали замуж парни своей деревни, кроме самого виновника; да и он чаще всего старался избежать женитьбы. Если и удавалось выйти замуж такой девушке, то в чужой далекой деревне, и то, как правило, за вдовца [14, т. 1, с. 181; т. 3, с. 307]. Большое значение придавалось девственности невесты в свадебной обрядности, «несоблюдение невинности до ритуально предписанного момента — вызов всему миропорядку. Не случайно это нарушение, по традиционным представлениям, могло пагубно отразиться в самых разных сферах» [2, с. 72].

Всё, что касается жизни женщины, в том числе добрачных интимных отношений, все точки соприкосновения с внешним миром, все аспекты ее внутреннего мира отнесем к женскому пространству. Оно имеет множество компонентов: функциональные, структурные, символические, предметные, генетические, познавательные, эмоционально-психологические, морально-правовые, мировоззренческие и др. Различные компоненты сложным образом взаимодействуют друг с другом. Мужское пространство по своему устройству подобно женскому, но существенно отличается от него по содержанию составляющих его компонентов.

В традиционном укладе крестьянской жизни область интимных отношений отнюдь не воспринималась как нечто греховное и табуированное, о ней свободно говорилось. В крестьянских семьях взрослые и дети обычно спали в одном помещении, и сексуальная жизнь могла проходить на глазах у детей, дети рано знакомились со строением тела противоположного пола. Имеются сообщения, что до 15 лет дети обоих полов ходили вместе в баню, вместе мылись мужчины и женщины по несколько семей [14, т. 5, ч. 3, с. 202, 296]. Парни и девушки обнаженными вместе переходили реку, купались [там же, с. 726; ч. 2, с. 441—442]. Понятия о мужском и женском пространствах возникали сразу

после рождения ребенка, что проявлялось в разных местах зарывания поседа мальчика и девочки [4, с. 56].

В отечественной науке сложился определенный стереотип устройства пространства девушек-невест, касающийся интимно-сексуальной области [6, с. 96; 7, с. 341]. Поскольку добрачные отношения девушек считались явлением исключительным, в генетическом компоненте данная область была представлена слабо. Обретение сексуального опыта однозначно связывалось с переходом из пространства девушек-невест в пространство замужних женщин. При этом важное значение приобретал ритуально-символический компонент (свадебные обряды). В пространстве девушки-невесты интимно-сексуальная область присутствовала в функциональном, эмоционально-психологическом, познавательном, нравственно-правовом, мировоззренческом и других компонентах лишь в виде потенции, которая должна была «материализоваться» при переходе в пространство замужних женщин. Таким образом, жизнь крестьянки в интимной сфере выглядела ясной и упорядоченной, «по закону», «без греха».

В действительности пространство девушки-невесты по отношению к интимно-сексуальной сфере было устроено значительно сложнее. Обратимся к свидетельствам из источников. Для сравнения начнем с мужского молодежного пространства: «Между молодежью иногда устанавливается половое общение, но не часто. <...> Парня в этом случае жениться не обязывают, а и стараются склонить к этому, то он чаще отказывается, чем соглашается» (д. Тупицыно Зубцовского уезда Тверской губ.) [14, т. 1, с. 465]; «Обыкновенно очень и очень немногие парни сохраняют целомудрие до свадьбы. Большинство же теряют целомудрие на 16—17 году, а иногда даже и ранее. <...> На потерю парнем целомудрия народ обыкновенно не обращает никакого внимания. “Парень — не девка, — говорят крестьяне, — что же в этом за беда”. <...> Что касается до молодежи, то парень, долго хранящий свое целомудрие, еще пользуется от своих сверстников насмешками: его называют в насмешку “монахом”, “красной девкой” и т. д. Впрочем, на слишком раннюю потерю целомудрия в детском почти возрасте смотрят крайне неблагоприятно. “Еще материно молоко на губах не обсохло, а он по таким делам пошел”, — отзываются в таком случае крестьяне» (с. Рождественское Даниловского уезда Ярославской губ.) [14, т. 2, ч. 2, с. 151].

Вследствие отходничества и распространенным местным обычаям («стояние за углом», «гулянье на лугах», «базарная выставка») у крестьян наблюдалась «легкость нравов» [17, с. 83]. Парни редко сохраняли целомудрие до брака, обычно они его теряли с 16 лет и даже раньше (с. Адуево Медынского уезда Калужской губ.) [14, т. 3, с. 430; 17, с. 78]. «Народный обычай снисходительно относится к случаям половой незаконной связи, считая ее только грехом и даже не особенно большим» [14, т. 3, с. 330].

Парень к внебрачной связи относился гораздо легче, чем девушка [17, с. 78]: «На парней, потерявших целомудрие даже в слишком раннем возрасте, смотрят очень равнодушно и даже более того — поощрительно, особенно, когда ему пришлось потерять его с девственной девушкой. Для самого же парня это служит предметом бахвальства» (с. Сугоново Калужского уезда Калужской губ.) [14, т. 3, с. 305, 328]. По сообщению корреспондента Этнографического бюро (Буйский уезд Костромской губ.) И. М. Воронова, некоторые отцы даже поощряли своих сыновей к ранним связям, усматривая в этом своего рода доблесть. Дочерей старались уберечь только из боязни появления в доме лишнего рта и, кроме того, из-за того, что дочь в этом случае станет труднее выдать замуж [14, т. 2, ч. 1, с. 23]. Есть и другое свидетельство, выпадающее из общего ряда: парни стремились тщательно скрыть свои интимные связи и ни в коем случае ими не хвастались (с. Овсорок Жиздринского уезда Калужской губ.) [14, т. 3, с. 201].

Сексуальный опыт входил в пространство девушки-невесты не только как потенциальная возможность, он был реальностью. «Невоздержанны в женской слабости, и каждая до свадьбы с будущим мужем приживает детей», — сообщалось в ответе на анкету Российского географического общества в 1848 г. из Череповецкого уезда Новгородской

губ. [15, с. 433]. По сообщению корреспондента Этнографического бюро Н. П. Аврамова из с. Адуева Медынского уезда Калужской губ., «качества, которые крестьянами здесь ценятся в девушке-невесте: богатство (приданое), дородство, сила и способность к крестьянскому труду дома и в поле и, меньше всего, невинность. Имущественный недостаток невесты, при выходе в замужество, часто покрывает отсутствие в ней целомудрия» [14, т. 3, с. 430]. «Мало девушек, которые остаются девственными до 18—20 лет», — пишет корреспондент из Калужской губернии [там же, с. 168].

В деревнях местности Спасовщина Усадищской волости Санкт-Петербургской губ. потеря невинности считалась несчастьем, глупостью по молодости, в этом винили родителей за недосмотр. Девушку жалели за слабохарактерность, парню-обманщику ни за что уже не верили. В случае беременности родители пытались устроить женитьбу. При отказе и наличии доказательств суд присуждал к материальному возмещению (корова, деньги и т. д.).

Если парень и девушка состояли между собой в связи, последствием которой было рождение ребенка, то бесчестье и главная вина падали на девушку. «Сука не захочет — кобель не наскочит», — говорили крестьяне. По мнению крестьян, нельзя было принудить парня жениться на обольщенной им девушке или требовать с него на содержание ребенка: «Чьи бы быки не были, а телята твои» (с. Пречистое Ростовского уезда Ярославской губ.) [14, т. 2, ч. 2, с. 377]; «Парню-то и на руку, что девка рот разинула, к нему ничего не пристанет» (Жиздринский уезд Калужской губ.) [14, т. 3, с. 168]; «Мало ли, что девка наскочит. <...> Почему же она не взяла расписки? Ведь не бойсь без расписки никто займы денег не даст, так как же она чистоту свою девичью зря отдает! Прямое дело, что такая девка сама виновата и все врет!» [14, т. 2, ч. 2, с. 377]. Если связь не была открытой и имя парня было неизвестно, то весь позор всецело падал на девушку. Но если его имя становилось известным, то и ему доставалось от сверстников и односельчан. Насмешки приходилось выслушивать от мужиков и от баб не только наедине, но и публично (с. Рождественское Даниловского уезда Ярославской губ.) [там же, с. 197—198].

Отношение к обольщенной девушке со стороны разных представителей крестьянского социума было неодинаково. Об этом свидетельствует следующая запись информатора из Калужской губернии: «“Ты, девушка, не водись (не дружись) с Анюткой, — она “балуется” и про тебя будут говорить, как про нее, если ты будешь ходить с ней, — она на добро не научит: у ней хвост замаран”, — говорят между собою девки. Бабы хоть и не прочь посмеяться над такой девкой, но не избегают ее. Бабы любят подшутить над такими девушками: “Коса-то у тебя, девка, одна, да должно быть ты сама-то без дна...”. “Только и отлична, что девичья кличка, а тож потеряна затычка”. Таких поговорок у баб очень много, только большинство из них *еще нецензурнее*. <...> Родители побьют жестоко девку, бранят ее при всяком случае; семейные тоже упрекают: “Осрамила, опоскудела всю семью, поскуда нестоющая!”. Даже сестры, и те пилят: “Замарала свой хвост! И нас-то через тебя не возьмут!” Старики поговорят про слабость, про распушенность, про непокорность нынешней молодежи. В последние 5—6 лет на потерю невинности мало обращают внимания, потому что большинство молодежи сходятся до свадьбы. Если теперь станут приставать к девушке с укорами, то она непременно ответит: “Свой чемодан, кому хочу, тому дам!” Даже к беременной девушке и то редко пристають; те же, на которых падает только подозрение, хотя бы оно было несомненно, — те не постесняются подать жалобу в волостной суд за оскорбление, и во всяком случае наплюют обидчику в глаза. <...> Больше всего достается девушкам, потерявшим невинность, от ребятишек-подростков, которые при всяком удобном и неудобном случае не преминут, даже при всем народе, упрекнуть их в проступке, не по злости, а ради общего смеха» [14, т. 3, с. 555].

Из других российских губерний сообщали, что к такой девушке при людях подруги относились холодно, а сами потихоньку помогали, чем могли [14, т. 6, с. 373]. В Калужской губернии отношение к ней не изменялось [14, т. 3, с. 328].

Пожилые мужчины в большинстве случаев относились к потерявшей невинность девушке равнодушно, а замужние женщины выказывали пренебрежение. Хотя позор ложился на всю семью, обращение с виновной не было жестоким, в каждой семье могла найтись такая девушка, и не одна [там же, с. 168, 307]. Женщины также могли проявлять большую терпимость, считая, что она заслуживает снисхождения: «Иной раз такая точка подойдет, — говорят они, — что ни в жисть не утерпишь, особливо, когда парень женитьбой станет соблазнять, да обнимать, ласкать и целовать; иная из бедных и подумает, что ежели и честно проживу, такая все едино за бедняка попаду, а ежели этому угожу, то, может, и возьмет он меня. Опять же, ведь каждая девка думает, что, может, и так пройдет. Кабы все девки знали, что не родят от этого, так, поди редкая бы уцелела» (с. Пречистое Ростовского уезда Ярославской губ.) [14, т. 2, ч. 2, с. 376].

Изменение отношения к доброчным связям в конце XIX в. описано наблюдателем из Калужской губернии: «В дер. Сосене забеременела девушка; мать хотела ее бить, но соседи не только не дали бить, но уговорили даже не ругать: “Все равно дела не поправишь, а девку можешь загубить совсем: что как она наложит на себя руки? Что же делать! Ее дело молодое; один Бог без греха! Ее надо теперь жалеть, а не бить... бить-то много найдется, а пожалеть некому!” <...> Мать действительно не тронула девушку, но и не ругала ее, даже плакала втихомолку, а девку ободряла» [14, т. 3, с. 555—556].

Девушки старались скрыть свои интимные отношения с парнем «до малейшей возможности», но если связь обнаруживалась, тогда ее не скрывали больше. Были случаи, что девушки-работницы открыто для всей семьи хозяина имели связь с его сыном или родственником и не таились от соседей, после того как их заметили. Работники и работницы, девушки и парни (не говоря о замужних и женатых) часто вступали в открытую связь и жили, как муж с женою, даже ревновали друг друга, устраивали скандалы. О таких девушках говорили: «Где уж, по чужим людям живши, уберечься; дело молодое, женское, любой может опозорить» [14, т. 3, с. 555]; «Живя по прислугам, деревенская девушка быстро теряет свою невинность» [14, т. 2, ч. 2, с. 199].

Любопытный пример приводит информатор из села Ильинского Галичского уезда Костромской губ.: «Известно, что город с его соблазнами и множеством разного рода Дон Жуанов портит деревню. Девушка, которая служила или служит в городе, не считается хорошою невестою: редко возьмут ее замуж. <...> Одна такая из нашей деревни живет постоянно кормилицей в Москве, а незаконных детей своих присылает матке в деревню на воспитание, помогая за это деньгами и одежей. Матка (отца нет) этому очень рада и весьма ценит и любит эту дочку. С братьями она тоже в хороших отношениях. Деньги — деревенский кумир. <...> За большие деньги и вообще за выгодную сделку с совестью девушке здесь если не все простят, то во многом извинят и скажут, что она не глупа и надеется на всю жизнь себя обеспечить» [14, т. 1, с. 181]. В то же время в больших торгово-промышленных селах рождение одного, а иногда и нескольких детей, впоследствии умерших, не мешало девушке выйти замуж. На свадебных обрядах ее нецеломудренность вовсе не отражалась [14, т. 4, с. 161, 163, 165]. Таковых свидетельств — масса.

Имеются факты продажи дочерей родителями. Крестьянка Анна И. продала свою 15-летнюю дочь местному богатому торговцу за 20 р. Этот отчаянный поступок был вызван крайней нуждой и надеждой, что он ее не оставит. Но через несколько месяцев он ее бросил, а девушка пополнила ряды проституток. Другой случай: крестьянин И. О. продал свою 16-летнюю дочь местному богатею С. за 100 р., исходя из материальных соображений. На этот раз расчет оказался верным: из С. удалось вытянуть много подарков, а потом и денег под угрозой предать все огласке, т. к. С. был женат [14, т. 2, ч. 1, с. 504]. Проституция по настоянию родителей встречалась нередко [там же, ч. 2, с. 200].

Об отношении крестьян к потере девушкой невинности свидетельствует следующая запись информатора из Калужской губ.: «Есть одна пословица, характеризующая отношение народа к падению девушек: “Девка на поре, не удержишь на дворе”, т. е., когда пришло девке время, появилось желание полового общения, то ничем этого отворотить нельзя, значит это неизбежно, так и быть должно. Большинство девушек поддаются на обещание “взять замуж”. Народ говорит в таких случаях: “Венцом все прикроется”. Про тех, кто живет незаконно без обещания брака, говорят презрительно — “А парню что? — говорят крестьяне, — попалась дура, ну, и пользуйся; насмеется, натешится, да и бросит; не жениться же на всех, кто будет вешаться на него!”» [14, т. 3, с. 556].

Немалое влияние на нравственность в дореформенное время оказывала помещичья власть. Приведем несколько примеров из сообщений информаторов Этнографического бюро из разных российских губерний. По рассказу крестьянки Федоры Тимофеевой из д. Дубасова Пошехонского уезда Ярославской губ., помещик приезжал в свою вотчину на охоту и жил у старосты в деревне по 3—4 дня. Каждую ночь к нему приводили крестьянскую девушку по наряду старосты. Близость помещичьих усадеб с прислугой — лакеями, кучерами и т. д. — отрицательно влияла на нравственность. В д. Сергиевка, находившейся вблизи усадьбы, число незаконнорожденных детей было вдвое больше, чем во всем приходе [14, т. 2, ч. 1, с. 503]. «Василий Петрович Караулов, владелец большой вотчины, не пропускал случая “первой ночи”, а когда не было свадеб, рассылал старост и преданных ему старух для выбора молодых красивых девиц и женщин» (Санкт-Петербургская губ.) [14, т. 6, с. 374].

Отношение самих девушек к интимным связям характеризует следующее свидетельство: «Вольное обращение на словах позволяют себе не только парни, бабы, но и девушки, которые не только очень любят слушать сальности, но и говорить их, иногда даже громадной толпе; затем девушки позволяют себе петь такие песни (коротенькие и непременно рифмованные), которые не имеют в себе и половины цензурных слов. Таких девушек зовут “бедовыми” и только. Даже поспать с парнем не считается ни за что: “Поспала — ничего не украдала”, — говорят девки, если над ними станут подшучивать. Хватание за какую угодно часть тела свободно допускается: “От этого не полиняешь”, — говорят обыкновенно. Конечно, есть девушки, не допускающие вольностей, но в тесном месте, т. е., когда мало народу, и с ними не очень церемонятся. Часто сами подруги упрекают таких: “Что же он съел, что ли, тебя? Чего ерепенишься? Ишь, недотрога какая!”, “Не позолота, — не слиняешь оттого, что похватали!” [14, т. 3, с. 555—556].

По сообщению другого корреспондента, Я. И. Кузнецова из Ветлужского уезда Костромской губ., в деревнях этой местности из-за отхожих промыслов имелся перевес женщин. Стремление выйти замуж порождало обилие внебрачных связей. Если рождался ребенок и потенциальный жених порывал со своей возлюбленной, считалось, что ее семье нанесена кровная обида. В суд не обращались, поскольку требовались доказательства, а использовали старый испытанный метод — месть. Брат мстил за поруганную честь сестры [14, т. 1, с. 113].

В народе упорно держится убеждение, что если застать с «поличным» (свидетели) парня с девушкой, то можно его судом заставить жениться. Это убеждение иногда производило громкие скандалы. Например, одного парня долго караулили и наконец подкараулили в сенном сарае; так как свидетелей на лицо не было, то два брата девушки сняли с парня поддевку, заперли сарай на цепок и замок, а сами пошли за свидетелями. Парень в это время взломал угол соломенной крыши, вылез и ушел. Суд, конечно, не мог ничего сделать, так как парень и девка сходились полюбовно, а между парнем и братьями девушки началась страшная вражда. Несколько раз враги жестоко побивали друг друга. Парень, попавшийся с девушкой, поспешил скорее жениться на другой, чтобы не могли его заставить жениться на прежней любовнице» [14, т. 3, с. 556]. Иногда удавалось отца «незаконно прижитого младенца» заставить платить на содержание ребенка через суд [там же].

В с. Бояновичи Жиздринского уезда Калужской губ. произошел следующий случай. На ночлежках от 15-летнего парня забеременела девушка. Он обещал на ней жениться, но обещания не сдержал и собирался жениться на другой. Девушка родила, ее отец уговаривал обольстителя сдержать свое слово, но безрезультатно. В день свадьбы во время венчания кто-то заявил, что существует препятствие к браку — родившийся ребенок. Священник перестал венчать, а отец той девушки подал прошение местному духовнику, чтобы тот воздействовал на жениха и его семью. Жених оправдывался: 1) навязываемая невеста ему не нравится; 2) в период половой связи он еще был несовершеннолетним; 3) над ним будто было бы совершено насилие; 4) весьма возможно, что ребенок не его, раз ему было тогда 15 лет. Архиерей нашел доводы основательными и решил, что нельзя женить без взаимной склонности [там же, с. 203]. «Что касается до привлечения обольстителя к какой-либо ответственности, — сообщает наблюдатель из с. Рождественского Даниловского уезда Ярославской губ., — то таких случаев на наших глазах еще не бывало, да и по-видимому, и быть не может. Родители обольщенной девушки хорошо знают, что они, подав в суд, только еще больше увеличат позор своей дочери, выставив его на судебное разбирательство» [14, т. 2, ч. 2, с. 197—198].

По сообщению другого корреспондента из Ростовского уезда той же губернии, если парень обольщал девушку обещанием на ней жениться и давал в том расписку или обменивался с ней крестами, то, по воззрениям большинства крестьян, он был обязан на ней жениться. Священник в таком случае не должен был венчать парня ни с какой другой девушкой. В с. Колягине один парень дал такую расписку, но потом хотел отказаться. Родители девушки пригрозили ему судом и тем, что он навсегда останется холостым. Испугавшийся парень женился на этой девушке. Другой парень обменялся с девушкой крестами, а сам женился на другой. Пришлось ему дать родителям обольщенной девушки 50 р. отступного. Но такие случаи были редки [14, т. 2, ч. 2, с. 377].

Приведем описание решения суда в Павинской волости Никольского уезда Вологодской губ. (1891): «Крестьянская девица просит за побои и лишение чести взыскать 15 руб. и, кроме того, подвергнуть по закону. Свидетельницы подтвердили это дело. Суд постановил: взыскать за лишение чести 15 руб. и за поступок сей посадить в арестантскую на 7 дней» [14, т. 1, с. 115]; «Дела, возникающие на почве любовных интересов, обыкновенно, прекращаются судьями миром и всячески замалчиваются, и потому редко попадают в решения волостных судов. “Нечего тут разбирать, оба виноваты; или как тут разберешь, кто ложился первый”» [там же, с. 117].

В крестьянском сознании глубоко укоренилось представление, что мужчина выше женщины во всех отношениях. Причем такое видение было характерно не только для мужчин, но в значительной степени и для женщин [14, т. 1, с. 68; т. 2, ч. 2, с. 364; т. 3, с. 53—54, 114; т. 6, с. 143, 219, 223].

С интимными отношениями были связаны различные компоненты пространства крестьянского парня. Начнем с генетического компонента. Нравы в деревне были далеко не пуританскими. Ю. И. Семенов в своей работе приводит многочисленные примеры добрачных отношений в русской деревне, рассматривая их как пережитки древнейших форм отношений полов [16]. Подобные примеры дают Т. А. Бернштам [4, с. 227—228] и материалы Этнографического бюро (см., например: [14, т. 3, с. 305, 328, 430; т. 4, с. 145, 157, 232; т. 5, ч. 2, с. 672]). Добрачные связи позволяли парню утвердиться в собственных глазах и в глазах своих сверстников. Он даже был окружен неким ореолом, что давало ему возможность выделиться, наделяло чертами, имеющими высокий статус в среде крестьянских парней. В иных случаях добрачные связи служили одним из средств интегрироваться в мужское молодежное сообщество. Деревенская мораль обычно терпимо относилась к добрачному сексуальному опыту, по крайней мере если парень уже достиг совершеннолетия. Добрачный сексуальный опыт в определенной степени органически входил в компоненты мужского пространства.

Интимно-сексуальная сфера затрагивала не только эмоционально-психологический, познавательный, функциональный компоненты мужского молодежного пространства, но также мировоззрение и мировосприятие. Особо коснемся морально-правового компонента. Здесь ярко выступает асимметрия в положении мужчины и женщины. Согласно мужской морали, соблазнение девушек входило в естественный порядок вещей, так было заведено. По нормам морали крестьянского социума у парня не было почти никаких обязательств перед соблазненной девушкой. Однако не все здесь столь однозначно, у морально-правового компонента имелась определенная вариативность по вертикали. Мы видели, что обычное право предусматривало в некоторых случаях ответственность соблазнителя (выдача расписки, обмен крестами). При наличии доказательств можно было в судебном порядке привлечь соблазнителя к материальной ответственности. Вариативность имелась и в отношении общественного мнения. Не всегда интимная жизнь парней воспринималась безразлично или даже одобрительно, в иных случаях она встречала осуждение.

Женское пространство крестьянки обладало сложной структурой. В него входили пространства девочек, девушек-невест, молодых замужних женщин, зрелых женщин с детьми, вдов, солдаток и др. Переход из пространства девочек-подростков в пространство девушек-невест был обусловлен биологическим взрослением и предопределен течением времени. А вот следующий переход в пространство замужних женщин такой определенностью не обладал и представлял лишь одну из альтернатив, к тому же имевшую широкую вариативность. Таких альтернатив у девушки было немного — остаться старой девой, вековухой, или же иметь интимные связи не выходя замуж и завести незаконнорожденных детей. Последняя альтернатива помимо экономических затруднений вызывала осуждение в крестьянской среде. Стремление к переходу из пространства девушек-невест в пространство замужних женщин представляло абсолютную доминанту.

Приведенное выше традиционное описание устройства пространства девушки-невесты, касающееся интимно-сексуальной сферы, справедливо лишь в самом общем виде и поэтому вряд ли может считаться удовлетворительным. Оно было совсем не таким простым и четко определенным. Дать его описание хоть с какой-то степенью полноты является совершенно нереальной задачей. Попробуем хотя бы в общих чертах наметить многообразие проявлений этой сферы в пространстве девушки-невесты.

Интимно-сексуальная сфера в значительной степени затрагивала генетический компонент вследствие давних традиций русской деревни («гаски», «горюн», «столбушка», «стояние за углом») [4, с. 227, 228; 14, т. 3, с. 328, 430; т. 4, с. 158, 232; т. 5, ч. 2, с. 672, 726; 16, с. 42—45]. Выход девушки замуж выполнял дифференцирующую функцию (выделение из среды девушек) и одновременно осуществлял интегрированность в среду замужних женщин. Однако при четко определенном стремлении к такому переходу сам переход и всё, что с ним было связано, на поверку оказывались неизмеримо сложнее, чем это казалось на первый взгляд.

По традиционным представлениям, интимно-сексуальный компонент обретал реальность после перехода в пространство замужних женщин, что выделялось ритуально предписанным моментом (свадьба). Однако сам переход не был предопределен, вследствие чего происходила инверсия — интимно-сексуальный компонент своим появлением в пространстве девушек был призван стимулировать такой переход. Согласно источникам, данная схема представляется адекватной действительности в большинстве случаев. Появление указанного компонента было обусловлено вариативностью по горизонтали и вертикали остальных компонентов, причем изменение диапазона вариативности одних компонентов индуцировали соответствующие изменения у других. Сам исходный пункт — выйти замуж — не был однозначно определен. Девушка не просто хотела выйти замуж, а выйти за желанного и богатого; в некоторых случаях нужно было заставить родителей смириться со сделанным выбором (жениха или невесты); не последнее место занимал половой инстинкт. Сюда примешивалось участие родителей и

родственников. Кроме того, вследствие массового отходничества в деревне имелся избыток невест и между ними разгоралась борьба за сердца и кошельки женихов. Всё это в сочетании с эмоциональными порывами и настроениями переплеталось в единый клубок и создавало сложнейший массив начальных состояний.

Важное значение имела вариативность морально-правового компонента как мужского пространства, так и женского. Не всегда и не везде формально предписанные и реально соблюдаемые моральные нормы, касающиеся сексуальной сферы, совпадали [10, с. 165]. Вопреки религиозным предписаниям к внебрачным связям парней, а в ряде случаев и девушек крестьянский социум относился довольно либерально. Значительное влияние на понимание моральных норм, на мировосприятие и мировоззрение оказывало появившееся вместо прежнего эгалитаризма имущественное и социальное расслоение деревни в конце XIX — начале XX в. Отметим, что в первую очередь материальные соображения делали пластичными различные компоненты.

Вступление девушки в интимную связь выделяло ее из группы сверстниц, но здесь она попадала в «зону риска», поскольку конечное состояние также обладало вариативностью. Девичья честь имела самостоятельную ценность, в богатых семьях к этому относились гораздо строже. Девушке нередко приходилось сопоставлять две системы ценностей — социальную лестницу, олицетворяемую сочетанием богатства и престижа, и свою девственную чистоту — и делать выбор. Часто ожидаемый конкретный переход не реализовывался (парень бросал оболыщенную им девушку), и это затрудняло девушке вновь интегрироваться в пространство незамужних. Ее в разной степени отторгали и семья, и сообщество сверстниц, и весь крестьянский социум. Положение еще более усугублялось при беременности и рождении ребенка. Потеря девственности могла быть постоянной инвективой даже после выхода девушки замуж, внося разлад в семейную жизнь. Крайним случаем отторжения являлся вынужденный уход девушки в город. Часть девушек нанималась в работницы. В этом случае связи с хозяином, его сыновьями и родственниками могли дать новые сюжеты интимных отношений. Далее имелись варианты еще в одном измерении. При отказе парня жениться на соблазненной им девушке не только взывали к его моральным установкам, но использовали и другие способы убеждения и принуждения (судебное разбирательство, шантаж, угрозы, месть). Таким образом, для девушки имелся целый диапазон конечных состояний (соблазнитель женился на ней, она выходила замуж за другого, материальная компенсация, интегрированность в пространство незамужних, переход в маргинальное состояние). Учет вариативность морально-правового компонента родителей (жалость к дочери, постоянные упреки, побои, продажа с целью получения материальных выгод, склонение к проституции), подруг (поддержка, сочувствие, безразличие, укоры и нежелание общаться), социума (сочувствие, безразличие, осуждение). Добавим сюда вариативность функционального, познавательного, мировоззренческого и других компонентов, половой инстинкт. Всё это взаимодействовало друг с другом, создавая бесчисленные комбинации.

Добрачные отношения реально существовали и составляли важную часть повседневной жизни русской девушки-крестьянки. Можно только представить накал страстей, богатство чувств и мыслей девушки, раздираемой противоречиями, ее внутреннее состояние, преисполненное надежд, ожиданий, разочарований. Таким образом, становится ясно, что по отношению к интимной жизни пространство крестьянской девушки было богато и насыщено, представления о нем по сравнению со стереотипами нуждаются в корректировке. Конечно, не следует считать, что понятие девичьей чести претерпело повсеместную девальвацию. Традиционные представления о девичьей чести и добрачных отношениях сохраняются в разной степени до настоящего времени в сельском социуме.

Библиографический список

1. Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // Сов. этнография. 1981. № 1. С. 8—21.
2. Байбурун А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 237 с.
3. Безгин В. Г. Скрытая повседневность: (половые отношения в русской деревне конца XIX — начала XX в.) // Клио. 2004. № 3 (26). С. 103—107.
4. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Л.: Наука, 1988. 278 с.
5. Быт великорусских крестьян-землепашцев: описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева: (на примере Владимирской губернии). СПб.: Изд-во Европейского дома, 1993. 472 с.
6. Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: Мол. гвардия, 1991. 446 с.
7. Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2007. 528 с.
8. Крюкова С. С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М.: ИЭА, 1994. 214 с.
9. Пушкарева Н. Л. Всероссийская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // Этнограф. обозрение. 2003. № 4. С. 67—80.
10. Пушкарева Н. Л. Историческая феминология в России: состояние и перспективы // Общественные науки и современность. 2003. № 6. С. 164—173.
11. Пушкарева Н. Л. «Жену с почину берут»? : устыдительные наказания девушек в традиционной русской культуре XIX в. // Женщина в рос. о-ве. 2009. № 2. С. 3—12.
12. Пушкарева Н. Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX — начала XX века // Этнограф. обозрение. 2009. № 5. С. 120—134.
13. Пушкарева Н. Л. Феминистский вызов новейшей этнологии и антропологии // Там же. 2004. № 4. С. 39—51.
14. Русские крестьяне: жизнь. Быт. Нравы. СПб.: Деловая полиграфия: Навигатор, 2004—2008. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. 2004. 568 с.; Т. 2: Ярославская губерния; ч. 1: Пошехонский уезд. 2006. 608 с.; ч. 2: Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды. 2006. 552 с.; Т. 3: Калужская губерния. 2005. 648 с.; Т. 4: Нижегородская губерния. 2006. 412 с.; Т. 5: Вологодская губерния; ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. 2007. 624 с.; ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды. 2007. 840 с.; ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. 2007. 684 с.; Т. 6: Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. 2008. 600 с.
15. Русский Север: этническая история и народная культура II—XX века. М.: Наука, 2004. 848 с.
16. Семенов Ю. И. Пережитки первобытных форм отношений полов в обычаях русских крестьян XIX — начала XX в. // Этнограф. обозрение. 1996. № 1. С. 32—49.
17. Семенова-Тян-Шанская О. Жизнь «Ивана»: очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. М.: Ломоносовъ, 2010. 192 с.